

Два полюса духовного скитальчества

(Лев Толстой и Глеб Успенский)

Републикация Б. А. ЛАНИНА

Оригинал здесь: газета "Литература", No 36/2002.

В истории русской литературы трудно найти более драматический эпизод, чем внезапный "страннический" уход из дому Льва Толстого.

К сожалению, смысл этого величественного и трогательного акта был скорее затемнён, чем освещён разразившейся после смерти Толстого литературной распрей между окружавшими его при жизни родными, близкими и единомышленниками. Быстро выросла целая литература обличений, самооправданий, полупокаяний. Из неё мы узнали, какая шла вокруг Толстого борьба, как его рвали и тянули в разные стороны и как своею распрею его вконец измучили два боровшихся из-за него лагеря. Один составляла его семья, выросшая до размеров свыше двадцати пяти душ, чьи материальные и жизненные интересы пришлось защищать его жене. Другой -- духовная семья его, тесный круг фанатических и узких последователей-толстовцев -- род секты, которую возглавлял и чьим именем говорил и действовал энергичный, одушевлённый, но властный и деспотически неуживчивый Чертков. То, что близкие Толстому люди в самые последние месяцы его жизни не переставали "делить ризы его между собою и об одежде его метать жребий", несомненно, форсировало его уход, его побег. Но думать, будто без этого ничего подобного астаповскому скитальчеству в жизни его не имело бы места, -- значило бы безнадёжно утратить ключ к пониманию его духовной личности.

Богатая мемуарная и биографическая литература, появившаяся после смерти Толстого, дала неотразимые доказательства того, что "Агасферово" -- странническое, скитальческое начало -- заложено было в натуре его гораздо глубже, чем могли догадываться его читатели. Немногим из них известно было, например, каким вожделенным источником нравственного отдыха были для Толстого его спорадические путешествия из Москвы в Ясную Поляну, в которых ему приходилось покрывать пешком около двухсот вёрст расстояния. Вот как живописует их его биограф: "Одетый в крестьянское платье, шёл никому неведомый старичок с палочкой и заводил бесконечные знакомства и разговоры с пешеходами из народа. Весь Божий мир открывался перед ним вне тех условных рамок жизни, в которых он жил".

Однако на эту полузатаённую черту великого писателя всех, интересующихся его личностью, легко могли бы навести некоторые из его излюбленных сюжетов. Кто не помнит его "Отца Сергия"? К герою этого рассказа стекается, точь-в-точь как к Толстому, многое множество людей, из породы "алчущих и жаждущих правды". В нём хотят видеть учителя жизни: одни приносят на его рассмотрение сложные и запутанные жизненные казусы; другие хотят, чтобы он помог им понять самих себя; третьи вообще не знают, в чём искать смысл жизни. Как будто он всем нужен. А ему всё это кажется "суею сует и всяческой суетой", и он припас себе мужицкое платье, чтобы бежать от своей собственной тщетной славы, чтобы "сделаться безымянным бродягой".

Из богатого материала толстовских рукописей стоит остановиться и на тех, из которых видно, как притягивала его зародившаяся в Сибири легенда, что умерший там таинственный "старец Фёдор Кузьмич, говоривший, что сам митрополит Филарет благословил его скрыть своё происхождение и "принять вид скитающегося отшельника", был не кто иной, как император Александр I".

Легенда эта историческою критикою разрушена. По-видимому, разгадана и тайна прошлого Фёдора Кузьмича: под этим именем скрывался, как кажется, бывший блестящий кавалергард, масон и церемониймейстер Уваров. Отметим и "соседнюю" легенду: будто загадочная затворница Саркова монастыря Вера Молчальница была на деле императрицею Елизаветой Алексеевной, по её собственному приказу выданной за скоропостижно умершую в маленьком городке Белеве. На самом деле под этим именем покинула светскую жизнь и приняла монашество пережившая личную драму светская дама В.А. Буткевич...